

в Послании Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне, извлекая из него различные естественнонаучные сведения о морских животных, китах, о каркине и острее, о многоножице и др.¹⁰

Обширные заимствования Аввакума из Шестоднева объясняются и его интересом к этим сюжетам и тем, что Шестоднев Иоанна экзарха, этот гимн богу-творцу, гимн природе, ее разумному и целесообразному устройству, был близок Аввакуму и по основной своей идее. Очень характерное для Аввакума представление о боге как «хитреце», «чинотворце» восходит отчасти к Шестодневу (лл. 59, 68 об., 77).

Вместе с автором Шестоднева Аввакум утверждал: «видимая суть добро сия».¹¹ Тема красоты «божьего» мира, прозвучавшая в восторженных описаниях сибирской природы в Житии, проходит и через его «Нравочение» («Како жить в вере христианской») из «Книги толкований», является специальной темой его Послания к Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне.

Основательное знакомство Аввакума с Шестодневом Иоанна экзарха Болгарского — факт, очень интересный сам по себе, свидетельствующий о прочности традиций произведений древнеболгарской литературы в русской литературе XVII в. Однако можно говорить не только о знакомстве Аввакума с сочинениями Иоанна экзарха, но и о том, что в ряде случаев Шестоднев служил литературным образцом для Аввакума. Как и в Шестодневе, у Аввакума постоянно переплетаются два плана повествования — описание явлений природы и осмысление их в сопоставлении с жизнью людей. Аввакуму оказались очень близки моральные сентенции Иоанна экзарха, которые тот помещает вслед за каким-либо рассказом из жизни животных, рыб, вслед за сведениями о небесных светилах.

Иногда он включает их целиком в текст своих сочинений. В тексте «Книги обличений» находится отрывок из Шестоднева: «... якоже коло-вратящуся солнцу и луне и звездам на таже возвращаются, тако и мы кругом шедше на тая ж де знамения паки приемше обретаем, яко коло-вертящуся человеку житию, и паки на тожде знамение суще воспящающесе... в землю» (РИБ, 586).¹²

Займствуя из Шестоднева рассказы о каркине и острее, о многоножице, Аввакум, подобно Иоанну экзарху, заключает их рассуждениями о сходстве поступков людей с жизнью рыб. Однако если сентенции Иоанна экзарха имеют несколько отвлеченный, общечеловеческий характер, то Аввакум размышляет о современности, наполняет моральные сентенции конкретным содержанием русской действительности второй половины XVII в., остротой общественно-религиозной борьбы.

Сравним тексты Иоанна экзарха и Аввакума.

Рассказав о каркине, обманувшем и съевшем острей, Иоанн экзарх пишет: «Така ти зълъ ест, иже ни съмысла, ни гласа имут, так ти ест, иже к своему брату луками приступает и подругу своему просто сушу льстьми обходе, въстает на нь, оного бедами кръмещю се».¹³ У Аввакума: «Тако то и наконяне добывають христиан, умышляють, на смерть предають.

¹⁰ Житие, ГИХЛ, стр. 262—275. Ряд случаев заимствования из Шестоднева и переложек текста Иоанна экзарха в этом Послании указан в комментарии к нему; более подробно см.: Н. С. Сарафанова. Незданное сочинение протопопа Аввакума. — ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 263—265. Ряд дополнений к списку заимствований см.: Н. С. Сарафанова. Произведения древнерусской письменности в сочинениях протопопа Аввакума. — ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 336—337.

¹¹ Житие, ГИХЛ, стр. 263; Шестоднев, л. 134 об.

¹² Шестоднев, л. 132—132 об.

¹³ Там же, л. 167 об.